

До кельи обгорелой, ан кругом
 Сенишко погорело вместе с кровлей,
 А в кельи чисто: огонь не смел войти.
 И образ на стене стоит-сияет.

В лесу окрест живуше бесы люты.
 И стали в келью приходите ночами.
 Страшат и давят: сердце замирает,
 Власы встают, дрожат и плоть и кости.
 С полночи пришли однажды двое:
 Один был наг, другой одет в кафтане.
 И взяв скамью — на ней же почиваю —
 Нача меня качати, как младенца.
 Я ж, осерчав, восстал с одра, и беса
 Взял поперек, и бить учал
 Бесищем тем, о лавку, вопиюще:
 «Небесная царица, помоги мне!».
 А бес другой к земле прилип от страха,
 Не может ног от пола оторвать.
 И сам не вем, как бес в руках изгинул.
 Возбнухся ото сна — зело устал, — а руки
 Мокром мокры от скверного мяса.
 В другой же раз, уснуть я не успел, —
 Сенные двери пылко растворились,
 И в келью бес вскочил, что лютый тать:
 Согнул меня и сжал так крепко, туго,
 Что пикнуть мне не можно, ни дохнуть.
 Уж еле-еле пискнул: «Помози ми!».
 И сгинул бес, а я же со слезами
 Глаголю к образу: «Владычица, почто
 Не бережешь меня? Ведь в мале-мале
 Злодей не погубил». Тут сон нашел
 С печали той великия, и вижу,
 Что богородица из образа склонилась;
 Руками беса мучает, измяла
 Злодея моего и в руки мне дала.
 Я с радости учал его крушить и мять,
 Как ветошь драную, и выкинул в окошко:
 «Измучил ты меня, злодей, и сам пропал».
 По долгой по молитве взглянул в окно: светает,
 Лежит бесище, как мокрое тряпье,
 По мале дрогонул и ногу подтянул,
 А после руку.
 И паки ожил. Встал, как будто пьян.
 И говорит: «Ужо к тебе не буду, —
 Пойду на Вытегру». А я ему: «Не смей
 Ходить на Вытегру, — там волюсть людна.
 Иди где нет людей». А он, как сонный,
 От келейки по просеке пошел.
 Увидел хитрый дьявол, что не может
 Ни сжечь меня, ни силой побороть,
 Так насади мне в келию червей.
 Рекомых мравии. Начаша мураши
 Мне тайны уды ясть, и ничего иного,